

Гетеротопии города-дачи-курорта в мире И. А. Бунина

Элеонора Шестакова

Донецк, Украина

Как известно, гетеротопии – это слово, которое было введено в 1967 г. в интеллектуальный оборот М. Фуко и которое только на рубеже столетий, после публикации статьи «Другие пространства», начало оформляться как понятие именно гуманитаристики. Уже в работе *Слова и вещи* (1966) Фуко указал на концептуальную основу для осмысления сути этого явления: «...существует <...> беспорядок, высвечивающий фрагменты многочисленных возможных порядков <...> явления здесь “положены”, “расположены”, “размещены” в настолько различных плоскостях, что невозможно найти для них пространство встречи, определить *общее место* для тех и других» (Фуко 1977: 34. Курсив Фуко. – Э. Ш.). Гетеротопия – это не просто *другое* пространство, набор мест-гетероклитов, существующих в объективной реальности безучастно по отношению к индивиду, а возможность для человека увидеть это *другое* пространство, установить с ним связь, основанную на новом взгляде на мир и себя.

Как представляется, в том-то и сущность гетеротопного подхода, максимально актуализирующего проблему воспринимающего, субъективного взгляда, что только под его воздействием и возможно увидеть значимые взаимосвязи разнородных пространств, или, как писал Фуко, «принципы пересечения пространств». Этот субъективный аспект в процессе выстраивания пространства является одним из существенных не только для культурологии, но и для теории литературы. Гетеротопия – это не только актуализация пространства, выделение в нем мест-гетероклитов, но и принципы дифференциации, возможности нахождения «естественного местоположения» (Фуко 2006: 192) в общем подвижном пространстве. Для литературоведения это вполне может оказаться новым подходом к хрестоматийным проблемам – развивать анализ смыслового, идеологического, культурного, эстетического наполнения мест-гетероклитов в произведениях художественной литературы. Однако если вычленение ведущих для эпохи, автора или же конкретного

произведения мест-гетероклитов не составляет особого труда, то методы и принципы исследования этих мест обозначают немало проблем. В первую очередь, чем анализ *темы, образа, мотива, дискурса, локуса, топоса*, например, усадьбы или дачи отличается от анализа *гетеротопии* усадьбы или дачи. Названный выше понятийный ряд, достаточно хорошо разработанный литературоведением, репрезентирует свою систему анализа и интерпретации, которая не вызывает особых вопросов. С точки зрения гетеротопии, приходится говорить о серьезных проблемах, вызванных недостаточной теоретической разработкой самого понятия *гетеротопия*, а также предполагаемых им методов и подходов. В связи с этим важны исследования как мира одного автора, так и системы национальных мест-гетероклитов. Только на основе данных, предоставленных такими исследованиями, можно говорить как о собственно литературоведческом наполнении и целесообразности понятия гетеротопии, так и о методах, которые ему наиболее близки. Представленная статья по гетеротопиям города-дачи-курорта носит экспериментальный характер. Внимание в ней сосредоточено на анализе бунинской прозы с точки зрения принципов существования в ней взаимосвязи *город-дача-курорт*.

Мир Ивана Бунина наполнен пространственными образами и реалиями, которые одновременно являются и естественной частью культурно устойчивого мира, и точным откликом на сокровенные эмоции человека, на состояния и события. Специалисты по творчеству Бунина, исследуя специфику пространственных отношений, образов и тем, обращают на это особое внимание (Анисимов 2013; Жаплова 2004; Зайцева 1999; Капинос 2001; Климова 1995; Ковалева 2004; Кочеткова 2005; Курбатова 2008; Лебедева 2002; Лекманов 2005; Ляйрих 2009; Манчук 2013; Попова 2007; Попова 2010; Щербицкая 2007; Эртнер 2005). Но они упускают то, что сложно увидеть, исходя из позиции традиционного литературоведения: в мире Бунина между пространствами жизни существуют и простые в своей предсказуемости, и запутанные, до ризомности, взаимоотношения, позволяющие говорить о гетеротопиях.

Город часто является предметом не только традиционного описания, но и философской рефлексии, экзистенциально и феноменологически воспринятым проявлением культуры:

Покой, особый, предрассветный, царил еще и во всем том огромном человеческом гнезде, которое называется городом. Молчаливо и как-то по-иному, чем днем, стояли многооконные дома с их многочисленными обитателями, столь как будто разными и столь одинаково преданны сну, бессознанию, беспомощности. Молчаливые (и еще пустые, еще чистые) лежали подо мной улицы... (Бунин: т. 4: 440–441).

Это одно из редких для писателя абстрактно-обобщенных урбанистических описаний, когда город предстает как живое существо, бытование которого основано на призраке общего порядка и «ощущается как великая жизнь» (Фуко 2006: 440–441). При таком взгляде не видно *других пространств*, которые организуют и реализуют себя как проявления фрагментированного, специфического «гетероклитного».

При всей важности относительно больших, устойчивых пространств жизни в мире Бунина (город, деревня, усадьба), которым присущи своеобразные поэтики, экзистенциально и феноменологически определяющими оказываются малые пространства, неизменные в своей природе и неразрывной связи с подлинным человеческим началом, со *Всебытием* (И. Бунин). Прежде всего, речь идет о даче и курорте как изначально промежуточных местах, но значимых именно этой временностью, переходностью. В них наблюдается своеобразная трансформация повседневности: начиная с разрыва с нею и заканчивая попыткой ее воссоздания и разыгрывания. При этом важно, что дача и курорт – особые миры со своими специфическими границами, конвенциональными (и ценными именно этим) укладом и отношениями.

В рассказе «На даче» (1895) показан строго регламентированный уклад дачной жизни для каждого обитателя поселка. Для этого уклада обязательны утренние и вечерние купания, чаепития на балконе, прогулки по «общей дачной аллее», чтение до обеда «на дачной поляне» (Бунин: т. 2: 103; 104). В ранней бунинской прозе преобладает детальное описание дачного образа жизни, который по устоявшимся ежедневным ритуалам и способам проведения времени формально-содержательно отличается от городского. Однако постепенно в творчестве писателя акцент смещается с бытописания на психологию дачных отношений, обусловленных особенностью места, обнаруживая возможность гетеротопии. Если в ранней прозе смена пространств почти не означала перемены во взаимоотношениях героев, а предполагала в большей степени отдых от города как восстановление телесно-эмоциональных сил, как модное времяпрепровождение, то в поздних произведениях появляется интерес к эмоциям и состояниям героев, вызванных дачей как неповторимым пространством жизнечувствования. Через описание быта дачников происходит осознание того, что город и дача – это не столько два устоявшихся образа жизни, дифференцированных общей повседневностью, и не столько предопределенное сезонной модой продолжение друг друга, сколько некая гетеротопная сеть отношений, позволяющая по-иному ощутить себя и мир. У Бунина есть и специальное обозначение для этого особого пространства, которое он, детализируя чувства героев, назовет «дачная отрада», «дачное счастье» и «дачная любовь» (Бунин: т. 5: 320). В ситуации, когда происходит фрагментирование, казалось бы, общих пространств повседневности, дачное пространство оказывается не только особым способом хранения времени, но и чувств. Так осуществляется неповторимое восприятие человеком себя и мира. Аналогично дело обстоит и с курортом. Предметом изображения в таких рассказах Бунина, как «Солнечный удар» (1925), «Старый Порт» (1925), «Пингвины» (1929), «Кавказ» (1937), «Генрих» (1940), «Мечь» (1944), «Ривьера» (1944), «В такую ночь...» (1949), «Алупка» (1949), становятся особые курортные отношения, восприятие курорта человеком, чаще всего, трагически-обреченным, потерянным в событиях собственной жизни и истории.

Примечательно, что Бунин описывает вполне реальную и четко обозначенную связь между городом, дачей, курортом: дачные поезда, пароходы, двуколки, телеги, велосипеды. Между названными культурными пространствами есть и

граница – природное пространство: горы, лес, дуг, поле, сад. Хотя эта граница может быть условной, только субъективно ощущаемой, но она предопределена игрой разнородных мест-гетероклитов, которые активно и почти самостоятельно по отношению к человеку устанавливают и продуцируют образ жизни. В любом случае граница между различными пространствами жизнедеятельности всегда ощущаема и телесно осязаема. Бунинский человек постоянно находится в движении, в пересечении разнородных границ между культурными пространствами, испытывая каждое из них, от большого до бесконечно малого (как, например, шалаш в дачном саду), утонченным, феноменологическим по своей сути, переживанием телесности, когда «... мир – это естественная среда и поле моих мыслей и всех моих отчетливых восприятий. <...> мир есть не то, что я думаю, но то, чем я живу, я открыт миру, я, вне всякого сомнения, общаюсь с ним, но я им не обладаю, мир неисчерпаем» (Мерло-Понти 1999: 16–17). При этом феноменологическое и гетеротопное восприятие мира во многом коррелируют. Гетеротопия – это соблазн *фрагментов многочисленных возможных порядков* (Фуко), то есть вероятность быть другим собою, видеть и/или создавать другие места и их истории, которые ценны именно фрагментарностью, длящейся незаконченностью, специфической открытостью в установлении и образовании новых связей и систем или же в возрождении, даже совмещении, прежних. Феноменологически значимая телесность позволяет бунинскому герою ощущать и проявлять такой мир, в котором ценностным способом обнаружения и осуществления *многочисленных возможных порядков* таких взаимосвязей является поступок. Поступок в мире Бунина во многом оказывается возможным на перекрестке случайности, повседневности, пространственности и бесконечно открытого миру и себе *я*.

В рассказе «Зойка и Валерия» (1940) интересна игра не только местами, но и вариантами границ между пространствами, которые позволяют реализоваться как радостям беспечной дачной жизни, так и подлинной трагедии маленького человека. Это и естественно-природный рубеж, разделяющий два культурных места традиционной для русского человека повседневности («По субботам и воскресеньям поезда, приходившие на станцию из Москвы, даже утром были переполнены народом, праздничными гостями дачников» [Бунин т. 5: 320]), и сугубо конвенциональная граница, сформированная и закреплённая культурой быта, что проявляется в особом поведении, которое в то же время весьма тривиально и точно соответствует месту:

Дачники, водившие московских гостей гулять, говорили, что тут недостает только медведей, <...> аукались, наслаждались своим летним благополучием, праздностью и вольностью одежды <...> иного московского знакомого, какого-нибудь профессора или редактора журнала, бородатого, в очках, не сразу можно было и узнать в такой косоворотке и в таком картузе (Бунин т. 5: 320).

Это также граница как особенное восприятие реалий – репрезентантов пространства («Двор дачи, похожей на усадьбу, был большой» [Бунин т. 5: 321]) и как специфическая актуализация способа жизни (Зойка, у которой нашли зачатки мозговой болезни и забрали из гимназии, и дома в Москве, подобно дачному укладу,

«жила в беспечном веселье, никогда не скучая» [Бунин т. 5: 318]). Такая принципиальная смена смысловых акцентов (через сравнение дачи и усадьбы, их разных истоков и образов жизни) – константы бунинского мира, позволяющие соединить и осуществить не совмещаемые пространства – дом, усадьбу и дачу. На этом сломе смыслов, во многом предопределенном и предопределяющем поступки человека, и происходит обнаружение подлинности личности и мира.

Усадьба, как и дом, – нечто сокровенное и упроченное не только в пространстве, но и во времени, это накопление и оберегание памяти, событий, чувств, образов людей. Это – родовое гнездо, исток и суть семьи, возможность ее стабильности, существования и возрождения. Дача – место, ассоциирующееся с особым стилем жизни, но не укорененное в личном и родовом пространстве. Дача, лишенная возможности накапливать ценностно маркированные время и чувства, – величина переменная, относительная. Она скорее обобщенный и предельно условный знак памяти для человека, но не возможность феноменологически-телесного, как в усадьбе и доме, ощущения и переживания. Дача – не Дом и не такое его проявление в духовной памяти и времени, как усадьба; дача – это игра в Дом, а более всего – возможность без, казалось бы, резких изменений и трансформаций, но все же почувствовать себя иным, открыть новое пространство повседневности. Однако это не всегда оборачивается для человека предсказуемостью жизни и своего *я*, которую ожидают от, казалось бы, знакомого пространства. Совмещение или своеобразное оборотничество дома и дачи – всегда сюрпризно, даже провокационно и во многом опасно для человека.

Такого рода совмещение как качественная основа миробытия героев важно в раннем рассказе «На даче» (1895). Оно проясняет сущность взаимоотношений в семье главных героев, смысл и логику их поступков, чувств: «Дом не походил на дачный; это был обыкновенный деревенский дом, небольшой, но удобный и покойный. Петр Алексеевич Примо, архитектор, занимал его уже пятое лето» (Бунин т. 2: 103).

Аналогичная игра границами и расположением пространств происходит и в новелле «Стёпа» (1938). В самом начале повествования, характеризуя молодого купца Красильщикова и подготавливая к главному событию – случайному и небрежно-малодушному соблазнению им наивной девочки, Бунин вводит нюансы, на первый взгляд, не имеющие отношения к основному событию. Однако именно они проявляют характер мыслей и чувств, казалось бы, просвещенного купца: «Красильщиков рос и учился в Москве, кончил там университет, но, когда приезжал летом в свою тульскую усадьбу, похожую на богатую дачу, любил чувствовать себя помещиком-купцом, вышедшим из мужиков...» (Бунин т. 5: 266). Это уточнение (усадьба, похожая на богатую дачу) меняет смысловые и ценностные аспекты. У Бунина это интересно показано на синтаксически-стилевом уровне. Так, следующее предложение этого же абзаца плавно, без разрывов констатирует, чем живет Красильщиков: «В это лето он часто вспоминал лето в прошлом году, когда он, из-за связи с одной известной актрисой, промучился в Москве до самого июля, до отъезда ее в Кисловодск...» (Бунин т. 5: 266–267). Поэтому и последние предложения

новеллы не логически, а экзистенциально и феноменологически предопределены: пообещав Стёпе приехать на днях свататься, «воротясь домой, он тотчас стал собираться и к вечеру уехал на тройке на железную дорогу. Через два дня он был уже в Кисловодске» (Бунин т. 5: 270).

Именно с точки зрения гетеротопий, примечательно следующее. В начале новеллы Красиальщикову одновременно и в равной степени были неприятны воспоминания о прошлом лете, своем поведении, Москве (доме) и Кавказе (курорте) – неприятны до телесно ощущаемого, брезгливого стыда. Но после аморального поступка, совершенного по стечению обстоятельств, он уезжает не в Москву, а на Кавказ. Происходит смена одного временного места на другое, обусловленная не только банальным безнравственным поступком и тривиальностью героя, но и внутренней возможностью почти мгновенного рядоположения, взаимоотражения этих мест в восприятии мира и самовосприятии героя. Циничный поступок проявил для него все то, от чего он бежал, или, наоборот, к чему стремился. Зеркальность дома (усадыбы) и дачи, чувствований прошлого лета и нынешнего обнажает значимый для героя порядок. Дача и курорт, в отличие от городского дома и усадьбы, – фрагменты специфически летнего образа жизни и мировосприятия, которые не позволяют накапливать и хранить сокровенно важные время, чувства, а нацелены на их скоротечность и необязательность. Бунин показывает это сложное совмещение разнородных пространств, которые образуют гетеротопную связь на территории жизни человека и в его потаенном внутреннем мире.

Случайный поступок может обнажить эмоциональную, моральную несостоятельность человека в принятии произошедшего, как в «Стёпе» или «Сыне» (1916). Но тот же поступок может предоставить бунинскому человеку возможность прикосновения к тайне *Всебытия*, когда приходит осмысление подлинности высоких чувств, как у героев рассказов «Осенью» (1901), «Солнечного удара». Поступок, во многом подготовленный и спровоцированный местом-гетероклитом, обнаруживает возможность выхода героев за пределы нормативно-устоявшегося мира и себя. Поступок оказывается одновременно и разрывом повседневности, и травестированием обыденных норм, и встречей со своим подлинным я. Об этой сущности гетеротопии писал Фуко, указывая на важность просвечивания нового порядка и возможности взаимосвязи между пространствами, вещами: «Порядок – это то, что задается в вещах как их внутренний закон, как скрытая сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом, и одновременно то, что существует, лишь проходя сквозь призму взгляда, внимания, языка; в своей глубине порядок обнаруживается лишь в пустых клетках этой решетки, ожидая в тишине момента, когда он будет сформулирован» (Фуко, 1977: 37).

Одним из способов обнаружения этого порядка является процессуальность как обнаруженная под воздействием взгляда возможность напряженного развития устоявшегося мира. Для мира Бунина процессуальность – оборотная сторона поступка и желания смены места. Совершая важный, с точки зрения последствий для своей и/или чужой жизни, поступок, герои Бунина почти тотчас принимают решение сменить знакомое, может быть, даже обжитое, но уже чужое, неуютное, отторгнувшее их

пространство, на другое. Либо, наоборот, пространство, ставшее слишком знакомым и как бы исчерпанным и завершенным, меняют на пространство тоже знакомое, но еще не изведенное с точки зрения их новых чувств, настроений, ожиданий. Однако показательно не это желание, хотя бы в мечтах или порыве отчаяния, резко и быстро изменить место своего пребывания. Не столь важно и то, что это происходит из-за опрометчивого поступка, спровоцированного тривиальностью пространства, в котором разворачивается встреча героев, создается и разрешается внешне банальная ситуация. Существенна открывшаяся через выбор и поступок инаковость, которая изначально и неизбежно предопределена местом-гетероклитом и до конца непредсказуема, неисчерпаема в своих смыслах и поворотах. Она только на первый взгляд определена пошлыми ситуациями, однако зависит от личного взгляда на них, на совершенный поступок, поэтому инаковость оказывается сопричастной внутренней пространственной организации мира и интимному отклику на нее. При этом происходит интересная для самого героя игра чувствами и представлениями. Казалось бы, он знает, что его ждет в знакомом по давнему опыту и стереотипным представлениям *другом пространстве*, например, городского дома, дачи или курорта, куда он собирается бежать после совершенного поступка. Герой понимает, что *там*, после совершенного, он не может быть прежним, но надеется сменой пространств защититься от себя и поступка, обнаружить для себя новое пространство жизнечувствования.

Феноменологическая открытость *я* миру, его неисчерпаемость осуществляются у Бунина потребностью человека в совмещении и смене этих, только на первый взгляд, известных и обжитых пространств повседневности, которые каждый раз оказываются сюрпризными. Это может быть личностная открытость новому опыту:

Есть несравненная прелесть в этих осенних днях, серых и прохладных, когда, возвращаясь из города на дачу... <...> Остаться бы тут до весны, слушать по ночам шум бушующего в темноте моря, бродить по целым дням на обрывах! Образ одинокой женщины на террасе зимней виллы рисуется воображению, каждая аллея тополей, с синевой моря в пролете, зовет в свои ворота... (Бунин т. 2: 235),

или стремление снова пережить давний опыт, но в новых условиях:

«План наш был дерзок: уехать в одном и том же поезде на кавказское побережье и прожить там в каком-нибудь совсем диком месте три-четыре недели. Я знал это побережье, жил когда-то некоторое время возле Сочи, – молодой, одинокий, – на всю жизнь запомнил те осенние вечера среди черных кипарисов, у холодных серых волн...» (Бунин т. 5: 256).

Но это может быть и желанием прервать смену мест-гетероклитов как бессмысленную и даже невозможную в своей однообразной предсказуемости:

Почти все дачи были уже пусты, шло начало сентября... <...> Дни в молчаливом доме <...> шли медленно, однообразно, и так же медленно и однообразно шли в ней все одни и те же чувства, мысли, воспоминания – о том постыдном, что случилось с ней летом и казалось ей самым значительным в мире. <...> Из пруда за садом ее вытащили баграми только в сумерки... (Бунин т. 2: 433, 434).

Через такой опыт переживания пространства и себя в нем проявляется в мире Бунина то, о чем писала О. Беззубова, характеризуя сущность мест-гетероклитов: «... находясь там, человек может сказать – “я здесь, но меня здесь нет”, или “я есть иной”» (Беззубова 2010).

Пограничность состояния бунинского человека – это Путь к себе через одновременно феноменологическое и гетеротопное восприятие и освоение пространственности мира и себя в ней. Подобного рода состояния (*я есть иной*) характерны для бунинских героев, которые актуализируют свое *я* через по-иному открывающуюся пространственность повседневности. Они постоянно анализируют свои чувства, вызванные тем или иным обыденным местом и поступками, которые это самоценное пространство заставляет совершать или, точнее сказать, провоцирует, соблазняя и обрекая на те действия, мысли, желания, которые наиболее отвечают его стереотипному образу. Так, у поручика из «Солнечного удара», поднесшего к губам руку незнакомки, однозначно для него ассоциирующуюся с курортом – «маленькую и сильную, пахшую загаром» (Бунин т. 4: 382), вначале все это вызывает вполне банальные желания. Далее Бунин усиливает присутствие курортного пространства для обоих. У поручика «и блаженно и страшно замерло сердце при мысли, как, вероятно, крепка и смугла она вся под этим легким холстинковым платьем после целого месяца лежания под южным солнцем, на горячем морском песке (она сказала, что едет из Анапы)» (там же). И он предложил ей сойти на пристани, воплощая модель курортного романа. Героиня, еще ощущая действие того же курорта, своей инаковости по отношению к своему городу, мужу, дочери – своей обычной жизни, откликается на искушение, хотя локализует и реализует его по схеме курортного романа, утверждая утром: «Даю вам честное слово, что я совсем не то, вы могли подумать....» (Бунин т. 4: 384). Однако в мире Бунина такого рода отклик почти моментально обнаруживает обратную сторону – осмысление и переживание героями своей открывшейся инаковости: «странное приключение», «странное непонятное чувство» (Бунин т. 4: 384, 385). Диапазон инаковости может разворачиваться от внутреннего сопротивления ей до погружения в нее, от принятия до отторжения. Но в любом случае приходит ощущение собственной другости, что может привести либо к «внезапной, неожиданной любви» (Бунин т. 4: 386), как в «Солнечном ударе», либо к обреченному: «Бежать, бежать, завтра же! – неотступно стоит у меня в голове. – В Киев, в Варшаву, в Крым, – куда глаза глядят!» (Бунин т. 4: 400), как в «Мордовском сарафане» (1925), либо к безысходности самоубийства, как в «Десятом сентября» (1903), «Сыне», «Кавказе», «Зойке и Валерии».

Однако показательно не только желание смены мест-гетероклитов, а то, почему в мире Бунина возникает и существует связь между *другими пространствами*, оказывается возможной сеть, связывающая между собой именно эти точки. Ведь гетеротопия – это, прежде всего, внутренняя устойчивая связь, позволяющая вполне традиционным, внешне разнородным местам обнаруживать возможность взаимного отражения, без общего, объединяющего их места. В мире Бунина, насыщенном

различными повседневными пространствами, только те пространства, которые выявили экзистенциальную и феноменологическую значимость, образуют устойчивую и прочную сеть гетеротопных взаимоотношений, способность установить значимый для человека порядок. Гетеротопия – это беспрестанное движение через время, точнее, мимо него (вне его), к самоосуществлению человека. Не случайно герой «Солнечного удара», переживший за одни сутки совмещение различных *других мест*, осознает себя постаревшим на десять лет. Гетеротопия сопричастна странничеству и Пути, который бунинские герои проходят постоянно. Проблема обнаружения личностью новых жизненных пространств, которые вступают в сложные и принципиально непредсказуемые отношения, выявляют в себе странные свойства и способности, – это проблема обнаружения гетеротопности, казалось бы, обжитого и устойчивого мира. Часто к героям (в первую очередь, в силу различных житейских обстоятельств, подтолкнувших их к феноменологическому самоуглублению) постепенно приходит осознание себя и мира, подобное тому, которое описал Фуко. Он настаивал: «пространство, где мы живем, пространство, увлекающее нас за пределы самих себя, пространство, в котором как раз и разворачивается эрозия нашей жизни, нашего времени, нашей истории – это пространство, которое подтачивает нас <...> само по себе является еще и гетерогенным. <...> мы живем в рамках множества отношений...» (Фуко 2006: 194–195).

Как указывалось выше, множественность мира, многочисленность возможных порядков реализуется через особую взаимосвязь мест-гетероклитов. Внутренне объемное, лабиринтообразное устойчивое единство города-дачи-курорта и есть такое гетеротопное образование у Бунина, которое обеспечивает порядок, а не хаос фрагментированного мира. Целостность города-дачи-курорта устойчива и создает иллюзию выхода из непоправимого поступка, вероятность свободного блуждания в обжитом мире. В этой парадоксальности проявляются феноменологическая упорядоченность бунинского мироустройства, открытие и принятие в акте рефлексии мира и я. Уже начиная с ранних произведений, это единство *других мест* – города-дачи-курорта – оказывается значимым для бунинских героев и как способ принятия и переживания множественности мира и себя, и как средство защиты от мира и себя, неведомых и странных. Это характерно как для произведений, где заявлены или хотя бы обозначены все три места-гетероклита, так и для тех, в которых прописаны отношения только двух пространств. Однако «упущенное», явно не упомянутое пространство проявляется через легко читаемые знаки (реалии, приметы, ассоциации, чувства), внешне неизвестно почему появившиеся в ткани произведения, как в «Солнечном ударе», «На даче», «Осенью», «Стёпе», «Зойке и Валерии».

Пограничность состояния человека, переживающего гетерогенность пространства, – это и Путь к онтологическим откровениям. Гетеротопии города-дачи-курорта – как необходимые проявления мира культуры – у Бунина не бывают самодовлеющими, достаточными для жизни человека и мира в целом, но всегда только в состоянии обозначенной границы с миром природы. Природа в таких случаях выступает

как неотъемлемое, основополагающее и уравнивающее городу-даче-курорту начало. Его действительность обнаруживается в кульминационные моменты, проявляющие подлинный смысл поступков, чувств, ситуаций. Но это начало не противостоит миру культуры, а гармонично и естественно проявляется в пограничных ситуациях и состояниях. Это граница не только разделяет, но и соединяет, проходя сквозь человека, разнородные миры, более того, образует на территории ситуации, поступка и чувств особое пространство, в котором только и возможно прикосновение человека к многообразию мира и ощущению вечности.

Природа – предел гетеротопии у Бунина. Она всегда появляется там, где уже нет возможности или смысла в продолжении игры *другими местами*. Она выступает последним, онтологически значимым и незыблемым пределом, который останавливает человека после череды гетеротопных путешествий перед бездной и правдой человеческой личности, открывая человеку сущность мира и *Всебытия*. Для кого-то это может быть конец жизни, для кого-то исчерпанность личности, для кого-то дар подлинной любви, для кого-то мудрость:

На даче темно <...>. Я думаю <...> Но не важно, о чем именно думал я, – важно мое думанье, действие совершенно для меня непостижимое, <...> и в то же время *понимаю мое непонимание*, понимаю мою потерянность среди этой ночи и вот этого колдовского журчания, не то живого, не то мертвого, не то бессмысленного, не то говорящего мне что-то самое сокровенное и самое нужное (Бунин т. 4: 434, 435, «Ночью», 1925. Курсив Бунина. – Э. III.).

Таким образом, проведя анализ города-даче-курорта в мире Бунина с позиции гетеротопий, вполне можно сделать вывод о том, что понятие гетеротопии «работает» в литературоведении, проясняя сложные, лабиринтообразные связи и отношения пространства и личности, то есть то, что не может быть увидено и описано в координатах традиционного понятийно-категориального аппарата. Гетеротопии города-даче-курорта во многом сопряжены с феноменологическим мировосприятием личности у Бунина. Они выступают зеркалом, отражающим и друг друга, и внутреннюю сущность человека, и то место, которое его формирует, изменяет, выявляет неведомое, являются точкой слома повседневности, знакомого и знакомого мира, а также я.

ЛИТЕРАТУРА

- АНИСИМОВ, К. В., 2013. «Поистине достоин изучения». Географическая экзотика в повествовательной структуре «крестьянских» рассказов И. А. Бунина («Ночной разговор» – «Будни»). Статья 2. *Сюжетология и сюжетография*, 2, 115–123.
- БЕЗЗУБОВА, О. В., 2010. Гетеротопии городского пространства: к истории концепта. *Ил: ЕСАУЛОВ, Г. В. и др., ред. Эстетика архитектуры и дизайна. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (4–6 октября 2010 г.)*. Москва: Архитектура-С, 27–31. Режим доступа: <http://www.culturalnet.ru/main/person/2122> [см. 24 08 2013].
- БУНИН, И., 1987–1988. *Собр. соч. в 6 т.* Москва: Художественная литература.

- ЖАПЛОВА, Т. М., 2004. Символизация, метафоризация в усадебной лирике Ивана Бунина и К. Р. *Вестник Оренбургского государственного ун-та*, 11, 83–90.
- ЗАЙЦЕВА, Н. В., 1999. *Концепция мелкопоместной усадьбы в творчестве И. А. Бунина 1890-х – начала 1910-х годов: Диссертация ... к. ф. н.* Елец.
- КАПИНОС, Е. В., 2001. Автоперсонаж и онейрическое пространство в рассказе И. А. Бунина «Зимний сон». *Вестник Удмуртского ун-та*, 4, 52–58.
- КЛИМОВА, Г. П., 1995. Образ города в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». *Ип: И. А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной науч. конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И. А. Бунина.* Москва: Наследие, 177–124.
- КОВАЛЕВА, Т. Н., 2004. *Художественное время-пространство романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: Диссертация ... к. ф. н.* Ставрополь.
- КОЧЕТКОВА, М. А., 2005. *Художественное пространство в рассказах И. А. Бунина 1890–1910-х гг. и в повестях «Деревня» и «Суходол»: Диссертация... к. ф. н.* Ульяновск.
- КУРБАТОВА, Ю. В., 2008. Хронотопическая организация романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и «Повести о жизни» К. Г. Паустовского. *Знание. Понимание. Умение. Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения*, 4, 83–86.
- ЛЕБЕДЕВА, Т. А., 2002. *Мир русской дворянской усадьбы в творчестве И. А. Бунина 1920–1953 гг.: Диссертация ... к. ф. н.*, Череповец.
- ЛЕКМАНОВ, О. 2005. Флоренция в Москве («итальянские» архитектурные мотивы в «Чистом понедельник» И. Бунина). *Ип: ПРОТОПОПОВА, И. и др., ред. Русская антропологическая школа. Труды*, 3. Москва: РГГУ, 346–350.
- ЛЯЙРИХ, Е. Б., 2009. Культурное пространство России XIX столетия в автобиографических романах «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина и «Лето Господне» И. С. Шмелева. *Вестник Томского государственного ун-та*, 329, 16–18.
- МАНЧУК, Г., 2013. Образы дворянских усадеб в творчестве И. А. Бунина как духовные очаги русской культуры. *Исследовательский журнал русского языка и литературы*, 1 (2), 23–38.
- МЕРЛО-ПОНТИ, М. 1999. *Феноменология восприятия*. Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. Санкт-Петербург: Ювента; Наука.
- ПОПОВА, О. А., 2007. *Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX веков: Диссертация ... к. ф. н.*, Пермь.
- ПОПОВА, Ю. С., 2010. Герой и город в рассказе И. А. Бунина «Петлистые уши». *Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика*, 2, 91–95.
- ФУКО, М., 1977. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. Вступ. ст. Н. С. Автономовой. Москва: Прогресс.
- ФУКО, М., 2006. Другие пространства. *Ип: ФУКО, М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью.* Ч. 3. Пер. с франц. Б. М. Скурагова; Под общ. ред. В. П. Большакова. Москва: Праксис, 191–204.
- ЩЕРБИЦКАЯ, И. В., 2007. Символизм пространства в цикле И. А. Бунина «Темные аллеи». *Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена*, 22 (53), 255–260.
- ЭРТНЕР, Е. Н., 2005. *Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века.* Тюмень: Изд-во ТюмГУ.